

Природа глазами русских и белорусов

Статья написана в рамках исследования общей проблемы "язык и культура", где установлено, что язык является компонентом культуры и описание культуры невозможно без скрупулезного анализа языка.

В статье рассматривается восприятие природной среды разными народами. Известно, что культура — это по сути дела присвоение, "окультуривание" мира, его первосушностей /по Аристотелю/, т.е. прежде всего природы. Способ присвоения мира, природы имеет специфическую национальную окраску, отражает менталитет того или иного народа.

Цель статьи — показать, как отразились в разных языках процессы обживания окружающего мира человеком.

Духовный мир любой нации во многом определяется окружающей природой. Природа, с которой сживается тот или иной народ, становится объектом мифологизации, фетишизации. Так, известный белорусский этнограф Адам Богданович /отец Максима Богдановича/ писал: "По сей день у белорусов почитаются "озера, кладези и источники"... Ключевая вода, или, как ее часто называют, "живая" почитается высоким целебным и очищающим средством"/1/. И это нашло свое отражение в языке, поэзии, культуре.

Каков же способ вживания в мир природы у русских и белорусов? Ответ на этот вопрос дают наблюдения над языком в его коммуникативной и поэтической функциях. В качестве важнейшего материала нами привлекались данные ассоциативных словарей русского и белорусского языков, ибо ассоциативное поле /словарная статья/ есть одна из форм репрезентации национально-культурного образа мира. Сравнение же ассоциативных полей, свойственных разным народам, проживающим в примерно одинаковых природных условиях, позволяет говорить об особенностях мировосприятия и способах его отражения в языке. В случаях, когда нужные нам статьи отсутствовали в словарях, в данной работе анализировались материалы свободного ассоциативного эксперимента, проведенного со студентами филологического факультета Витебского университета /50 человек русского и 50 белорусского отделений/.

Собранные нами языковые факты позволили подтвердить выдвинутую философами /А.Абрудным и др./ гипотезу: *отношение людей к природе есть превращенная форма их отношения друг к другу*. Она универсальна для большинства языков и примером тому могут служить многочисленные метафоры типа *солнце садится, листья шепчутся, дождь идет, погода капризная; цветы гавораць, рэчка стогне пад льдом* и др. Такой метафорический перенос традиционно связывают с антропоморфизмом, особым взглядом на мир сквозь призму человека. Относящиеся сюда метафоры, как правило, недолговечны, они быстро стираются, т.е. перестают восприниматься как метафоры и прочно входят в язык, в культуру. Такие метафорические номинации приводят к быстрому

угасанию образа, это подчеркивает Н.Д.Арутюнова, когда пишет об идентифицирующих метафорах.

Белорусский язык дает богатейший материал по метафорам данного типа. Так, *бярозы трасуць лісцем, лісце шапацела, дождж лапатаў, ліпы стогнуць, мароз шчэрыцца, мяцель грае, холад запусціў сваю ледзяную руку, хваляў хор* и др. Таким образом, "природные" метафоры данного типа одинаково хорошо представлены как в русском, так и в белорусском языках.

Мир природы входит в язык также и другим путем. Для русского обыденного сознания и языка характерны факты, в которых явления природы используются для описания духовного мира человека, его поведения, внешности: *ручы слез, буря гнева, море любви, град упреков, поток слов, зеленая тоска, плоды наук, бесплодная идея, зрелая теория* и т.д. Это антропоцентрический подход к миру, при котором человек представляется центром как реального, так и воображаемого мира. Белорусскому языку такие метафоры присущи в меньшей степени: есть сравнительно небольшое количество языковых метафор типа *мора бяды, мора слез, адлягло ад сэрца, рэкі крыві*; большинство же метафор этого типа остаются пока авторскими, окказиональными. Например, *давлялося сербануць ліха /В.Быкаў/, свет душы /М.Багдановіч/, здрада гняздзіцца /Я.Купала/, крыўда каменем лягла /Я.Купала/; голас зямлі, стогн пушчы, бары трасуцца помстаю /Я.Калас/*. Не становясь языковыми, антропоцентрические метафоры создают особый поэтический мир, в котором живет белорус:

*Каханне у сэрцы гэтак сеяў,
А жаць прыйшлося пракляцце
/Я.Купала/.*

*Праталіны баюць казкі
/Я.Купала/;*

*поле смяецца
/М.Багдановіч/.*

Антропоцентрические метафоры играют важную роль в членении действительности, в построении языковой картины мира. Сопоставляя такие метафоры, можно сделать важные выводы о многих психологических и социальных явлениях, например, о том, какие реалии действительности устойчиво связываются ассоциациями в сознании членов языкового коллектива и, соответственно, как бы получают новое имя.

Эти два вида метафор свидетельствуют о том, что и русский и белорус живут в контексте культуры, которую они создают и которая является для них как бы реальностью. Данные метафоры отражают национальную специфику видения, способ фиксации тех или иных фактов реальности.

Что же дает человеку антропоцентрический подход к миру? В чем состоит уникальность метафорической информации? Каковы функции "природных" метафор, каковы их свойства?

Важнейшей функцией и для русских и для белорусских метафор является номинативная функция. Щедрый материал для изучения метафорической номинации дают названия растений: *Адамова свеча, дедушкины кудри, Иван-чай, медвежья лапка, мать-и-мачеха, лягушечник, петушки, змеевик, гуска, житница* (в русском языке); *пальчыкі* — первоцвет, *ксянзоў плеш* — одуванчик, *кудер* — гулявник, *касьнічкі* —

пырей, *кудравік* — полынь, *царская свечка* — коровяк, *пятроў крыж* — крестовик и др.

Уникальная роль природной метафоры в системах номинации связана с восстановлением равновесия между новым, непонятым и уже известным, понятным, прозрачным. Такая метафора — сложное, красивое явление языка, создающее панорамный, целостный образ, который способствует лучшему запоминанию информации. Действительно, стоит назвать грибы природными пылесосами, и носители языка надолго запомнят, что именно грибы лучше всего всасывают токсины из почвы и воздуха.

"Природные" метафоры выполняют также эвристическую функцию. Панорамность образа, возникающего при восприятии метафор типа *море слез, океан чувств*, дает носителю языка возможность апеллировать к различным свойствам объекта, явления: "В каждый момент деятельности человеком осознается только небольшая часть того предметного содержания, которое презентовано в образе... Полноценный с точки зрения регуляции деятельности образ подобен айсбергу — в каждый момент на поверхности видна лишь его небольшая часть" (2). Это и создает множественность образного прочтения, что хорошо видно из разных названий одного и того же предмета. Так, В.Д.Бондалетов приводит в своей книге 63 названия Млечного Пути, большинство из которых метафоры.

Эвристичность такого типа метафор кроется в самой их сути, ее гносеологической природе, ибо метафорический перенос лежит в основе схватывания объекта в его целостности и в конечном счете в основе его особого видения, понимания. Именно такие метафоры служат прекрасными методологическими опорами, позволяющими ориентироваться в диалектике известного-неизвестного. Они есть своего рода открытия мира, создающие затем особую культуру восприятия природы.

Метафоры, связанные с восприятием природы, выполняют также эмотивно-оценочную функцию. Ср.: *голубка* /позитивное отношение к человеку/, *козел, дуб* /негативное отношение/.

Многое в присвоении, окультуривании природы помогает понять анализ языка крупных национальных художников слова. Каково отношение к ветру, например, у С.Есенина и В.Быкова?

Ветер у С.Есенина, которого справедливо нарекли "певцом природы" в русской культуре, ведет себя как человек: он *волнуется, поет, пляшет, плюется охапками листьев, рассыпает дробь, расчищает путь* и т.д.

Поэт наделяет ветер такими человеческими качествами и поступками:

*Схимник-ветер шагом осторожным
Мнет листву по выступам дорожным
И целует на рябиновом кусту
Язы красные незримо Христу
/"Осень"/.*

*Ветер тоже спросонок вскочил
Да и шапку с кудрей уронил
/"Заметает пурга"/.*

Ветер ведет себя у С.Есенина как веселый и легкомысленный хулиган:

Отрок-ветер по самые плечи
Заголил на березке подол

/"Закружилась листва золотая..." /.

Как враждебная стихия предстает ветер у В.Быкова: *"Вецер злосна лескатаў, шумеў", "Вецер з шаленай лютасцю абтрасаў бярозы", "церабіў, вымятаў лісце, гнаў яго", "Вецер злосна шумкаў полы шынялеў, выпякаў з вачэй слезы, рваў лісце", "запускаў сваю ледзяную руку"* и т.д. Описывая тяготы военной жизни, В.Быков и силы природы делает злыми, наделяет их враждебностью. Такой разный подход к природе объясняется и индивидуальным видением мира авторами, и их задачами, и тематикой, и жанром произведений и многими другими причинами. Нами этот материал привлечен для того, чтобы показать, насколько глубоко индивидуальна тяга авторов к природной метафоре, насколько по-разному они ее используют.

Даже в одном языке, в одной культуре наблюдается значительный разброс. Как, например, относятся Пушкин, Тютчев, Есенин к луне /месяцу/, солнцу и другим стихиям?

Луна у А.Пушкина — женщина, враждебно-тревожная *царица ночи* /Гекарта/, в шутку поэт называет ее глупой: *"Как эта глупая луна на этом глупом небосклоне"*. В 70 случаях из 85 у него светило ЛУНА и всего 15 раз — МЕСЯЦ /3/. Движения луны у Пушкина стремительны: она *пробегаёт, скальзит, дрожит, играет, перебегаёт, небо обходит* и т.д. Луна у поэта загадочна и тревожна: то она НЕВИДИМКА, то БЛЕДНОЕ ПЯТНО, то ОТУМАНЕНА и тревожит нас МУТНЫМИ ИГРАМИ.

Ф.Тютчев, наоборот, отдает предпочтение месяцу. Это ночное светило у него БОГ и ГЕНИЙ, льющий в душу покой, он не тревожит, а успокаивает, влечет душу в ЦАРСТВО ТЕНЕЙ.

С.Есенин употребляет оба слова — и месяц, и луна, но ведут себя они по-разному: месяц — удалой молодец, который *ловит лошадей серебряной уздой, гуляет в траве, купается в снегу, в пыли, катится через прясла и овины, чистит рога и т.д.* Луна же занимается своими женскими делами — *льет по капле масло, вяжет узоры, чешет тучи гребнем* и т.п.

По-разному предстает и солнце у этих поэтов. Солнце Пушкина *высокое, чистое, яркое, ясное, как лампадный хрусталь* /в противоположность туманной и тревожной луне/. В противоположность спокойному месяцу солнце Тютчева страстно, *пламенно, раскаленно-багрово, оно пламенный, блистающий шар в молниевидных лучах.*

Приведенные примеры позволяют заключить, что в творчестве трех разных поэтов мы встречаем три образа луны, три образа солнца, три образа природы: у Пушкина природа сдержанная, четкая, равнодушная /И равнодушная природа Красною вечною сиять/, у Тютчева — это темные силы, он пугается там, где учится Пушкин /Я понять тебя хочу Темный твой язык учу/. Природа Есенина весела, хмельна и набожна одновременно: *колокольчик хохочет до слез, клен танцует пьяный; За прощальной стою обедней Кадящих листвою берез.*

Специфика восприятия природной среды русскими и белорусами хорошо просматривается сквозь призму ассоциаций. В сознании носителей этих языков актуализируются разные существенные внешние и функциональные признаки. Так в русской культуре ПОЛЕ ассоциируется с признаками "раздольное", "красивое", "чистое", оценочными словами

"радость", "свобода" и др. Национально-культурная специфика ПОЛЯ у белорусов представлена в номинациях "праца", "пот", "надзел", "жытняе" и др.

ЛЕС и РЕКА русскими осознаются прежде всего как место отдыха:

РЕКА — "солнце", "прохлада", "купаться", а ЛЕС — "поляна", "дым", "комары". Для белорусов ЛЕС и РЕКА являются неотъемлемой частью их повседневной жизни: ЛЕС — "ягоды", "грибы", "сено", "медведь", а РЕКА — "рыба", "вода" и др.

Несмотря на индивидуальные различия в восприятии природы, можно с уверенностью заключить, что и у русских, и у белорусов сложился метафорический взгляд на природу. Такое отношение к природе формируется на протяжении столетий в повседневной рече-языковой практике носителей языка, т.е. имеет деятельностную природу, ибо оно есть результат массового творчества нации в процессе ее деятельностного взаимодействия с миром. Менталитет народа, его духовная и материальная культура воплощается в метафорах, которые играют роль стереотипов обыденного сознания. Следовательно, отношение к природе, отраженное в зеркале языка поэзии, это и феномен языка, и феномен культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Богданович А.Е.** Пережитки древняго міросозерцанія у белорусов. Гродна: Губернская типография, 1895, с.19-20.
2. **Завалова Н.Д., Ломов Б.Ф., Пономаренко В.Л.** Образ в системе психической регуляции деятельности. М., 1986, с.17.
3. **Белый А.** Из книги "Поэзия слова". Пушкин, Тютчев и Баратынский в зрительном восприятии природы // Семиотика. М.: Радуга, 1983, с.553.

S U M M A R Y

The paper deals with the actual problem of interaction between the language and the culture. The author analyses how the processes of the man's investigation of environment have an effect on the Belarusian and the Russian languages. The language in its communicative and poetic functions is the material for this paper.